

церкви в конце XIV в. Лазарь Муромский, а затем это же сделали в середине XVI в. Феодорит Кольский и Трифон Печенский⁷⁰.

Русские не были одинокими в признании миссионерской роли апостолов. Того же апостола Андрея сделали своим святым патроном шотландцы; интересно, что и здесь в его почитании также было несколько периодов; последний, когда изображение креста, на котором распят апостол Андрей, было помещено на шотландском знамени, относится к XV в.⁷¹ В Швеции в качестве апостола почитается св. Зигфрид⁷², на острове Сардиния император Константин Великий считается тринадцатым апостолом⁷³.

В статье не мог быть охвачен полный спектр как конфессиональных, так и культурных аспектов рассмотренного здесь события — добровольного и стихийного принятия христианства русскими земледельцами. Проблема «народного православия», поднятая в свое время Н. К. Никольским⁷⁴, разумеется, не ограничивается овладением юлианским календарем, строительством шатровых храмов и искажением некоторых церковных обрядовых действий. Народ проявлял живой интерес к житийной литературе и к сочинениям нравоучительного характера, не видя различия между апокрифами и творениями отцов церкви. В нем шла отклик идея монастыря, которой народ широко воспользовался в трудные годы раскола (на ее основе была создана дивная поэтическая фантазия о невидимом граде Китеже). Народное православие было далеко от ортодоксии, о чем свидетельствуют как сохранение двоеверия, так и продолжавшиеся духовные поиски, шедшие в рамках христианской доктрины (сектанство) или вне ее (легенды о Беловодье, Опоньских островах и пр.).

⁷⁰ Будовниц И. У. Монастыри на Руси... С. 71, 117, 127, 151, 262—263, 266; Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. С. 142.

⁷¹ Гроздова И. И. Народы Британских островов//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. С. 85.

⁷² Шлыгина Н. В. Финны//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 123.

⁷³ Красновская Н. А. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986. С. 141.

⁷⁴ Никольский Н. К. О древнерусском христианстве//Русская мысль. 1913. Кн. VI. С. 3—22.

Б. М. Фирсов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Н. ТЕНИШЕВА

В последние годы в этнографической и исторической литературе нередко упоминается имя В. Н. Тенишева — основателя и владельца Этнографического бюро (1843—1903)¹. Поводом для этого послужила прежде

¹ Как известно, материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева хранятся в архиве Государственного музея этнографии народов СССР (далее — ГМЭ, ф. 7) Об этих материалах см.: Начинкин Н. Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР//Советская этнография (далее — СЭ). 1955. № 1. С. 159—163; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 403—406; Соколова Г. А. Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX в.//Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 5. Л., 1967; *ее же*. Народные верования. Христианский календарь//Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 15//Этнография. Л., 1970; Рабинович М. Г. Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева)//Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (далее — ОИРЭФА). М., 1968. Вып. IV. Померанцева Э. В. Фольклорные материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева//СЭ. 1971. № 6. С. 137—147; *ее же*. Художник и колдун//СЭ. 1973. № 2; *ее же*. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; Федоров В. А. Семейный раздел в русской пореформенной деревне//Сельское хозяйство и крестьянство в северо-западных районах РСФСР. Смоленск, 1979; *его же*. Материалы В. Н. Тенишева как источ-

всего активная деятельность бюро по сбору этнографических сведений, благодаря которой сохранилось до наших дней практически в неповрежденном виде богатейшее собрание материалов о жизни русского крестьянства в переломный период истории — на рубеже XIX и XX вв. Ныне исследователи все чаще обращаются к тенишевским материалам, но едва ли не каждый считает своим долгом выразить сожаление, что степень их использования остается невысокой. Робость, с какой материалы вводятся в научный оборот, во многом объясняется слабым знанием данного источника этнографической информации.

Еще один существенный повод — обострение научного интереса к историческому опыту, традициям отечественной этнографии, что наглядно продемонстрировала дискуссия о методах современных исследований, развернувшаяся на страницах нашего «цехового» журнала².

Этнографическое бюро, как известно, создавалось под конкретные программы. Пользуясь ими, внештатные корреспонденты должны были в сравнительно короткие сроки проводить массовый (по масштабам своего времени) сбор этнографических данных. В. Н. Тенишев — автор этих программ, одна из которых — «крестьянская» — была реализована³, а вторая — «городская» — осталась в качестве проекта⁴. Оба документа обладают большой методической ценностью, и поэтому анализ принципов их разработки и практического применения имеет прямое отношение к сегодняшним нуждам этнографии, испытывающей дефицит многих сведений о жизни современных этносов и стоящей перед острой необходимостью содействовать «ренессансу» программных методов, правда, в иных общественно-исторических условиях.

В связи со сказанным представляется возможным восполнить пробелы в наших знаниях о В. Н. Тенишеве и осветить подробнее его научные взгляды. Мы отчетливо понимаем, что историческая оценка теоретических воззрений и практической деятельности В. Н. Тенишева затруднена слабой изученностью истории этнографических программ, сыгравших весьма серьезную роль в становлении и развитии этнографической науки в целом⁵. Но именно поэтому, казалось бы, «частный» вопрос о научном наследии В. Н. Тенишева имеет и более широкое значение, поскольку возвращает нас к ценному опыту наших предшественников, русских этнографов прошлого, к поискам связи этнографического знания с нарождавшейся тогда русской социологией.

Программы В. Н. Тенишева и материалы бюро можно рассматривать в двух аспектах.

Русского аристократа, носителя вполне определенного типа классового сознания, князя В. Н. Тенишева, естественно, не могли не интересовать политические проблемы времени, в котором он жил, и связанные с этими проблемами судьбы Российской империи. М. Г. Рабинович справедливо писал, что В. Н. Тенишева напрямую беспокоили и нарастание

ник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) // Историкографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепропетровск, 1985; Громыко М. М. Проблемы и источники исследования этнических традиций русских крестьян XIX в. // СЭ. 1979. № 5: *е е же*. Традиционные нормы поведения и формы обращения русских крестьян XIX в. М., 1986 и др.

² Открывшие дискуссии статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна см. СЭ. 1985. № 3. Обсуждение этих статей см. СЭ. 1985. № 4—6.

³ См.: Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная на основании соображений, изложенных в книге В. Н. Тенишева «Деятельность человека» князем В. Н. Тенишевым при участии гг. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Смоленск, 1897; Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека» (СПб., 1897). Изд. 2-е, исправ. и доп. Смоленск, 1898; также см. Дополнения к программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России князя В. Н. Тенишева, составленные В. Н. Добровольским. Смоленск, 1896.

⁴ «Программа этнографических сведений о городских жителях образованных классов» В. Н. Тенишева хранится в рукописном отделе ГМЭ (ф. 7, оп. 1, д. 1867—1875).

⁵ Об истории программного метода в истории русской этнографии см., например, Токарев С. А. Указ. раб. С. 216—217, 286—290; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и муз. М., 1978. С. 16, 24—27, 97—101; и др.

революционных настроений среди рабочих и крестьян, и усиливающийся радикализм русской интеллигенции⁶. Отсюда и сама мысль создать Этнографическое бюро была продиктована в конечном счете стремлением содействовать сохранению политической и экономической стабильности существующего строя. Смерть В. Н. Тенишева в 1903 г. помешала осуществлению его плана — написать двухтомный труд «Быт великорусских крестьян-землепашцев». Но даже если бы книга увидела свет, она служила бы оправданию «обычного порядка жизни» тогдашней России.

Наряду с идеологической важна и практическая сторона. Деятельность Этнографического бюро вполне определенно знаменует поворот этнографического знания в сторону решения прикладных задач. В ситуации, которая отличала состояние и развитие науки в конце XIX в., гуманитарной прежде всего, такой поворот был неординарным событием. Потому В. Н. Тенишев не только «титолованный» этнограф и социолог, выражающий «этнографические интересы» российских помещиков и капиталистов⁷, но и исследователь общественной жизни, пытавшийся повысить социальную роль этнографии, размышлявший над тем, как увеличить ее полезность. Во всяком случае В. Н. Тенишев был в числе тех исследователей, кто не считал этнографическую науку исключительно исторической и пытался найти ей место среди наук о современности. В его программах явно обнаруживается стремление расширить предмет этнографического изучения. Здесь уместно привести слова Д. К. Зеленина, который, имея в виду период конца XIX — начала XX в., писал, что тогда в научной разработке восточно-славянской этнографии изучение духовной культуры, или фольклора в узком смысле этого слова, преобладало над исследованием внешнего быта и материальной культуры⁸. Русская этнография, говорил он там же, долгое время жила в симбиозе с диалектологией, и даже историографии уделялось едва ли не меньше внимания, чем культуре материальной, в то время как требовался определенный поворот в социально-экономическую сторону. На эти задачи ориентировались программы В. Н. Тенишева, хотя они были отражением философских и методологических позиций, с которыми советские исследователи согласиться не могут.

В дальнейшем мы станем опираться на общую оценку В. Н. Тенишева как исследователя, данную М. Г. Рабиновичем (см. выше), и на мнение С. А. Токарева. Последний писал в учебнике по истории русской этнографии, что крупный капиталист В. Н. Тенишев был человеком высокообразованным, который придерживался прогрессивных взглядов и активно занимался научно-литературной деятельностью⁹.

Известен следующий факт. Первоначально В. Н. Тенишев намеревался собирать этнографические сведения в тесном сотрудничестве с Обществом любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАиЭ). Планы эти не сбылись. И. Начинкин усмотрел здесь две причины. В. Н. Тенишев стремился, по его мнению, возглавить работу сам (что при масштабах задуманного дела не кажется противостественным). А главное, идеи этнографа-князя резко расходились с общедемократическими настроениями деятелей этнографического отделения общества. В итоге, предположил И. Начинкин, В. Н. Тенишев оттолкнул членов общества от себя¹⁰.

Перед нами некролог на смерть В. Н. Тенишева, опубликованный в журнале «Этнографическое обозрение»¹¹, где говорится, что В. Н. Тенишев замыслил осуществить обширную программу этнографических исследований при посредстве ОЛЕАиЭ, но этому помешали «разобщенность Петербурга и Москвы», а также некоторые другие обстоятельства.

⁶ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 63.

⁷ Начинкин И. Указ. раб. С. 160.

⁸ Зеленин Д. К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917—1925 гг.// Этнография. 1926. № 1—2. С. 133.

⁹ Токарев С. А. Указ. раб. С. 403.

¹⁰ Начинкин И. Указ. раб. С. 160.

¹¹ Этнографическое обозрение. 1903. № 2. С. 202.

Уважение к деятельности покойного, названного в некрологе «одним из преданнейших любителей русской этнографии» (здесь слово «любитель» не является синонимом дилетантства.—*Б. Ф.*), признание явных заслуг В. Н. Тенишева перед этнографией исключают, на наш взгляд, возможность того, чтобы между ним и отделом этнографии ОЛЕАиЭ существовали глубокие идейные конфликты.

В целях приближения к истинному портрету В. Н. Тенишева полезно сослаться на прижизненные впечатления А. Н. Бенуа¹². Во внешнем облике В. Н. Тенишева было мало аристократического: «квадратное лицо», негустая белокурая борода, широкоплечая, но приземистая фигура, скорее «на манер торговца из Апраксина рынка». Но все же князь он был достоверный, хотя и не принадлежал ни к высшему обществу, ни к придворному кругу¹³. Это был человек, добившийся всего собственным разумом и смекалкой. Он рано составил и продолжал увеличивать огромное состояние¹⁴.

Содержание Этнографического бюро и другие реальные действия В. Н. Тенишева, направленные на развитие этнографии, являются лишь частью добровольно осуществленных им «просвещенных начинаний». Он часто поддерживал идеи, казавшиеся некоторым из его современников бесперспективными. Например, он был одним из первых, кто поверил в будущность автомобиля, затратив немалые суммы на завод по производству «самодвижущихся машин» в Петербурге¹⁵. В 1900 г. В. Н. Тенишев получил через Витте пост Генерального комиссара Русского отдела на Всемирной выставке в Париже. Занимая этот пост, он настойчиво искал лучшие способы представить свою страну на «суд народов». А. Н. Бенуа пишет, что и эта деятельность, несмотря на ее успешность, ничего определенного не прибавила к его светской значительности, поскольку он вовсе не был ни светским человеком, ни типичным аристократом¹⁶.

Энергия, предприимчивость и ум В. Н. Тенишева казались А. Н. Бенуа «замечательными». Здесь стоит обратить внимание на то, что выделялось им в качестве индивидуальных черт личности. В частности, В. Н. Тенишев никогда не было дела до «чего-либо мистического, таинственного, невыразимого»¹⁷. Все, что не поддавалось простейшему научному объяснению и не отвечало практической полезности, отбрасывалось как лишнее и даже вредное. Не потому ли В. Н. Тенишев не разделял в пору своих активных занятий наукой обскурантизм царских министров Победоносцева и Плеве, не соглашался с их политикой контрреформ¹⁸.

От той же черты характера берет начало и жизненная установка В. Н. Тенишева на «просвещенный менеджери́зм». Он был убежден, что управлять следует на базе эмпирически обоснованных данных о поступках и поведении «управляемых». Виновность (позволим себе пересказать В. Н. Тенишева) не доказать без знания жизни подсудимых; нельзя стать хорошим коммерсантом, не зная потребностей и вкусов людей и не умея обходиться с покупателями; врачу следует знать жизнь своих пациентов, а учителю — соотносить свои усилия со средой, в которой живут его ученики¹⁹.

Еще одна важная черта характера — настойчивость, с которой вынуждены были считаться окружавшие В. Н. Тенишева люди. «Волю князя, его решение, когда он что-нибудь в голову заберет, никогда никому

¹² А. Н. Бенуа пишет о В. Н. Тенишове в своих мемуарах. Они начали постоянно общаться в 1895 г. Подробнее см.: *Бенуа А. Н. Мои воспоминания*. Т. II. М., 1980.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ В период наиболее тесных отношений между А. Н. Бенуа и М. К. Тенишовой они реалистически рассчитывали на миллионные суммы из состояния супруга Марии Клавдиевны для организации громадного музея иностранной живописи в С.-Петербурге по образцу Третьяковской галереи (*Бенуа А. Н. Указ. раб.* С. 105).

¹⁵ *Бенуа А. Н. Мои воспоминания*. Т. II. С. 123.

¹⁶ Там же. С. 577.

¹⁷ Там же. С. 124.

¹⁸ *Рабинович М. Г. Указ. раб.* С. 63.

¹⁹ *Тенишев В. Н. Деятельность человека*. СПб., 1897. С. 10.

еще в жизни побороть не удавалось. Это был кремень», — так отзывалась М. К. Тенишева о своем супруге²⁰. Во многом благодаря этому свойству характера В. Н. Тенишева и предпринимательским началам в работе Этнографического бюро там был собран громадный массив первичной информации. Владелец бюро пользовался неограниченными полномочиями, ему уступались права на приобретенные этнографические сведения. Права штатных сотрудников строго регламентировались. Денежные расчеты отличались строгостью, зависели от качества материалов. Данный тип деятельности был необычен для этнографической науки того времени. Материалы по программам для различных обществ и организаций собирались довольно часто, но готовились они на основе добровольности. Денежное вознаграждение отсутствовало. Например, Русское географическое общество в наиболее типичном случае ограничивалось выражением благодарности лицам, приславшим свои материалы, и публикацией их фамилий. Самые интересные материалы печатались в изданиях общества, а лучшие среди опубликованных награждались малыми золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. Закладывая коммерческий принцип в основу деятельности бюро, В. Н. Тенишев стремился к разумной регламентации процесса поступления этнографических сведений в интересах задуманной им работы. Он поставил задачу приблизить содержание этих сведений к своей программе и повлиять на сроки поступления материалов от корреспондентов. Это нам кажется наиболее существенным в «этнографическом обществе почетного князя Монте-Кристо»²¹. И приглашение в штат бюро высококвалифицированных людей, таких, как С. В. Максимов — известный писатель и этнограф, Н. Н. Попов — врач, знаток народной медицины, и др., и четко поставленные денежные расчеты с корреспондентами помогли осуществить работу по сбору этнографических сведений в течение двух с небольшим лет (1898—1900 гг.)²².

Говоря о В. Н. Тенишеве, никак нельзя обойти его причастность к делам его супруги Марии Клавдиевны Тенишевой, которая также имеет несомненные заслуги перед отечественной этнографией как собирательница обширных коллекций предметов русской старины и человек, во многом способствовавший возрождению русского народного искусства. Не случайно ныне портрет М. К. Тенишевой, о чем недавно сообщила газета «Известия», вывешен в смоленском городском парке вместе с портретами других 14 почетных граждан города: Н. М. Пржевальского, С. Т. Коненкова, Ю. А. Гагарина и др.²³. Правда, собственные научно-литературные занятия, не говоря уже о занятиях промышленных или финансовых, В. Н. Тенишев не считал близкими к искусству. Более того, от деятельности своей супруги, связанной с поощрением живописи, собирательством предметов старины, он держался в стороне и только исправно, по словам А. Н. Бенуа, снабжал ее деньгами. Но все же несомненным представляется теперь, что без этой постоянной и значительной поддержки М. К. Тенишевой не удалось бы оставить тот замечательный след в истории русской культуры, о котором мы говорим сегодня с такой убежденностью и уважением.

²⁰ Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Париж/Изд. Русского историко-генеалогического общества во Франции, 1933. Цит. по кн.: Солоухин В. А. Бедствие с голубями. Повести и рассказы. М., 1984. С. 276.

²¹ Именно так, с плохо скрываемым раздражением характеризовал В. Н. Тенишева и его предприятие барон К. В. Каульберг в газете «Гражданин» в 1899 г. См.: Журавлева Л. С. К истории публикации «Программы» В. Н. Тенишева//СЭ. 1979. № 1. С. 123.

²² В предисловии к малоизвестной серии работ, написанных по материалам Этнографического бюро В. Н. Тенишева, сотрудник и одно время заведующий бюро А. А. Чарушин указал, что затраты на бюро были достаточно велики. На оплату поступивших рукописей, разбор, переписку (перепечатку), приобретение фотографий и художественных рисунков израсходовано около 200 000 руб. См.: Чарушин А. А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении//Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 18. С. 500.

²³ Известия, 1986, 10 окт.

Обратимся теперь непосредственно к научным взглядам В. Н. Тенишева. Будучи прагматиком, В. Н. Тенишев проповедовал идеи абсолютной утилитарности науки. Человек, писал он в одной из своих последних работ, более всего нуждается в практическом опыте для того, чтобы убирать со своего пути возникающие жизненные затруднения²⁴. Опыт в свою очередь необходимо опирается на знание, которое должно быть «земным», а не «отвлеченным». Да и приобретать знания следует не слепо — без чрезмерного преклонения перед научными авторитетами, не боясь смело отрицать ходячие истины во имя достоверности самого знания. Однако к таким убеждениям В. Н. Тенишев приходил путем отрицания философии, которой он призывал не доверять. Здесь он брал себе в союзники английского философа-позитивиста и физиолога-дарвиниста Дж. Генри Льюиса, ссылаясь на идею его книги «История философии в биографиях», вышедшей в 1845—1846 гг. По Льюису, человек имеет две привилегии: одна из них — способность вырабатывать общие истины, другая — создавать нелепости. Последняя свойственна в наибольшей степени тем, кто занимается философией²⁵.

Новейшая наука, по мнению В. Н. Тенишева, в отличие от скомпрометировавшей себя метафизики должна удовлетворять требованиям и усложнившимся условиям жизни цивилизованных народов. Главный метод — добыча фактов или пользование уже добытым, ранее полученным фактическим материалом. «В настоящее время почти недопустимо доказывать что-либо иначе, как приводя факты в подтверждение, и даже в запутанных вопросах права или политической экономии стало необходимо опираться на данные истории и статистики»²⁶.

Это не означает, делает оговорку В. Н. Тенишев, что можно обходиться без чисто гуманитарных дисциплин. Обучение таким научным предметам с их символами и «отвлеченностями» тоже есть своеобразная потребность: нельзя не знать о Петре Великом, или о том, что Волга впадает в Каспийское море, или, наконец, о разных идеях, внушаемых писателями. Данный вид гуманитарного обучения, по его мнению, связан с непосредственными нуждами людей, но в полной мере им не соответствует²⁷.

Факты и методы их собирания, заимствованные из точных наук, — вот что достойно первоочередного внимания и должно быть поощряемо. Особо ценной В. Н. Тенишеву казалась идея искусственных опытов, предложенная О. Контом²⁸. В. Н. Тенишев вслед за О. Контом подчеркивал важность точного этнографического наблюдения²⁹, развивал положение о сравнительных методах применительно к задачам этнографии³⁰. Следы заимствований у основоположника «позитивной науки» можно обнаружить и в других работах В. Н. Тенишева, например, использование идей социальной статистики, принципов классификации наук и иных элементов позитивного метода. В собственных комментариях к слову «позитивный» О. Конт писал, что данное слово имеет несколько значений: 1) реальное в противоположность химерическому; 2) полезное в противоположность бесполезному; 3) достоверное в противоположность сомнительному; 4) точное в противоположность смутному; 5) положительное в противоположность отрицательному, когда слово указывает на одно из важных свойств новой (читай — контовской. — Б. Ф.) философии, представляя ее как назначенную по своей природе не разрушать, но организовывать³¹.

²⁴ Тенишев В. Н. Опыт как источник знания и новейших классификаций наук. Очерк // Вестник Европы. 1900. Т. II. Апрель. С. 574 и далее.

²⁵ Там же. С. 578—579.

²⁶ Там же. С. 580.

²⁷ Там же. С. 574.

²⁸ Там же. С. 580.

²⁹ Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. С. 3—4.

³⁰ Тенишев В. Н. Деятельность человека. С. 3—6.

³¹ История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979. С. 22.

Все перечисленные коннотации термина «позитивный» присутствуют в суждениях В. Н. Тенишева о состоянии современных ему знаний, этнографических в том числе³². Положение вещей в этнографии он считал неудовлетворительным во многом потому, что собирание этнографических фактов было оторвано от целей практического свойства. Лишь иногда, говорил В. Н. Тенишев, от случая к случаю, собирает этнографические сведения правительство, но преимущественно для выяснения специальных вопросов и в фискальных целях. Этнографические общества, отделения РГО, писал он, направляют свои труды лишь на такие особенности людей, как «переживание в обычаях и поверьях, на песни, былины, сказки, особенности языка, пословицы и т. д.»³³. Множество исследований было связано тогда с изучением как называемого «первобытного человека». Полученные здесь результаты казались В. Н. Тенишеву банальными: и люди доисторических времен, и дикари обладали орудиями и пользовались огнем для разных жизненных целей: не обнаружено людей, в жизни которых не играли бы большую роль поверья. Значит, «воспроизведение первобытного человека есть не что иное, как ряд никому не нужных догадок»³⁴. Археологические исследования и находки, сборники рассказов и былей имеют свое разъясняющее значение, но в науке необходимо установить «преемство» — «на первый план поставить сведения, ближе нас касающиеся, больше всего пригодные нам для жизни»³⁵. Потратив же силы на изучение отдаленных миров, приходится блуждать «в потемках» окружающего мира. Впрочем, и этнографам, писал В. Н. Тенишев, было легче прославиться, представляя публике описания курьезов, а не доступные всякому сведения о деятельности людей разных классов, в действительности наиболее существенные. Это и мешало, по его мнению, этнографии стать наукой, полезной для жизни.

Открытая установка на сиюминутную выгоду от науки, прагматизм здесь явно брали верх над традициями гуманистического народоведения.

Важнейшая из работ В. Н. Тенишева — книга «Деятельность человека» была опубликована в 1897 г. «Крестьянская» и «городская» программы сбора этнографических сведений прямо опираются на ее идеи. В. Н. Тенишев исходит из задачи найти способы для надежного предвидения поведения и поступков человека, совершаемых в обществе. Его управленческое кредо здесь здесь налицо, как и осознание некоторой изначальной сложности, вызванной собственной принадлежностью к вполне определенному социальному слою. Проблема видится В. Н. Тенишеву в том, что с людьми одинакового положения «мы» умеем объясняться. Здесь как бы наперед известны внутренние душевные обстоятельства и нет сомнений относительно пригодности жизненного опыта «нашего круга», в пределах которого данный опыт непрерывно используется и передается от поколения к поколению. Люди, очень отличающиеся по своему общественному положению, разделены стеной, они «даже плохо понимают друг друга»³⁶, не говоря уже об общности чувств и опыта. Эти барьеры и представляют главную трудность для «нас» (администраторов, управителей), когда необходимо выяснить возможные действия управляемых.

В. Н. Тенишев считал главным в познании человека поступки и поведение и предлагал выявлять их путем соотнесения, во-первых, с «потреб-

³² Именно поэтому развитие «новой науки» В. Н. Тенишев связывал с изменением основ обучения, предлагал соединять преподавание любой науки с жизненными представлениями, присутствующими в повседневных наблюдениях, сопоставлениях, классификациях, в названиях окружающих предметов и сношениях с другими людьми (см.: *Тенишев В.* Математическое образование и его значение. Общедоступное изложение. СПб., 1886. С. 236—237). Но верный знамени «новой науки», В. Н. Тенишев выступал против того, чтобы наиболее высокой считать степень образования у тех, «которые обладают знаниями в области археологии, мифологии, движения планет, комет и т. п. и сверх того могут привести латинскую или даже греческую цитату» (*Тенишев В. Н.* Опыт как источник знания и новейших классификаций наук. С. 584).

³³ *Тенишев В. Н.* Деятельность человека. С. 7.

³⁴ Там же. С. 9.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 6.

ностями жизни человека» и, во-вторых, с «потребностями положения, занимаемого (индивидом) в обществе». Одна координата этого положения — принадлежность человека к данному «племени народа», другая — принадлежность к данному «классу народа». Сами потребности В. Н. Тенишев полагал зависящими от окружающей обстановки и обстоятельств — условий географической среды (климат, флора, фауна страны) и условий общественной жизни человека³⁷. Эту исследовательскую парадигму следует дополнить комментарием³⁸ о ключевом для В. Н. Тенишева понятии потребностей, поскольку их классификация предопределяла классификацию видов деятельности, а затем и структуру этнографических программ.

Удовлетворение потребностей в питании, влаге, дыхании и теплоте, а также «неповрежденность» организма — первейшие условия жизни, гарантирующие самосохранение индивида. Вторая группа потребностей — потребности полового сближения, производства потомства и образования семьи. Мужчина и женщина сходятся не только для того, чтобы произвести потомство. Их сближение приводит к необходимости совместной жизни и закладывает основание для появления семьи — начальной ступени «общественности» человека. Третья группа — потребности, вытекающие из общественного характера жизни человека. Они определены и усилены зависимостью существования человека от других людей — соотечественников, образующих классы народа. «Каждая часть населения выполняет только известную долю потребностей, а в остальном пользуется трудом и услугами других классов народа»³⁹. Особенности этой группы потребностей еще и в том, что через них общество сплачивается и превращается в государство. Последнее тем цивилизованней, по выражению В. Н. Тенишева, чем тверже основания принадлежности к нему человека (разделение труда, правила поведения, ограничения на поступки, на пользование имуществом, услугами и другими атрибутами общественной жизни), или, иными словами, чем глубже регламент, определяющий порядок людей и вещей.

Эту модель общественного устройства В. Н. Тенишев логически доводит до мысли, что и права, и обязанности человека строго соответствуют занимаемому им общественному положению. Принадлежность к такому обществу составляет «ведущую потребность» в жизни человека. Для ее удовлетворения люди с необходимостью отстаивают свое положение, добиваются признания, стремятся к тому, чтобы возвыситься среди других людей. Данным свойством объясняются и движение по общественной лестнице, и всякого рода достоинства (храбрость, добродетель, богатство, знания, художественные способности), которые люди стремятся выказать, и преимущества завоеванного положения, которыми общество наделит «возвысившихся»⁴⁰.

Здесь вновь следует вернуться к управленческим идеям В. Н. Тенишева, которые отличали его как исследователя социальной жизни. Этнография была для него средством обоснования управленческих целей; поэтому, казалось бы, неисчерпаемые по сложности и глубине проблемы деятельности и потребностей человека «сжимались» до пределов и представлений, способных обслужить узкопрактические интересы. Научный подход на деле оборачивался чисто прагматической точкой зрения. Поясним это.

В. Н. Тенишев не был испровергателем государственных основ полукрепостнической России, вступившей в пору расцвета капиталистических отношений. Именно поэтому его устраивали позитивистские и эволюционистские схемы. В приложении к явлениям общественной жизни они казались убедительными и бесспорными, поскольку увековечивали существовавший социальный порядок. Отсюда и нужда в метанауке о

³⁷ Там же. С. 3—4.

³⁸ Комментарий к концепции потребностей В. Н. Тенишева написан нами на основе всего методологического раздела книги «Деятельность человека» (с. 11—83).

³⁹ Тенишев В. Н. Деятельность человека. С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 23.

деятельности человека, которая позволит увидеть, как человек добывает себе пропитание, устраняет от себя опасности, производит потомство, достигает положения в обществе и неизменно отстаивает его. Впервые эти мысли были высказаны В. Н. Тенишевым за 8 лет до появления книги «Деятельность человека», в работе «Деятельность животных». Еще в ней В. Н. Тенишев предложил активно искать факты, подтверждающие, что между условиями для жизни и поступками и поведением людей есть если и не однозначное, то вполне определенное соответствие⁴¹, которое следует установить как некое основное правило жизни, собрав для этого нужное количество фактов и ликвидировав пробелы в имеющихся сведениях. Эти пробелы, писал он, возникли по преимуществу оттого, что «исследование одного из главных условий жизни человека, а именно — его общественности, мало подвинуто; кроме того, до последнего времени преобладал исторически сложившийся прием изучать деятельность человека только с психологической точки зрения — прием, понятный для того времени, когда об организме человека имели самые поверхностные сведения»⁴². И далее: чтобы подняться до решения задачи и найти искомого соответствие, надо начать с подробного исследования животных, буквально с простейших организмов. Поддержание и продолжение жизни обставлены у человека, как и у животных, необходимыми условиями: «Насколько одинаковы эти условия, настолько есть и сходства в проявлениях деятельности животных и деятельности человека»⁴³. Правда, здесь же В. Н. Тенишев утверждал, что полного сходства между человеком и животными нет и его нельзя обнаружить, например, обращаясь к высшим проявлениям деятельности человека (основанным на пользовании разного рода орудиями и достижении высокой степени социальности), благодаря которым он ушел далеко вперед в своем развитии. При этом особым образом подчеркивалась роль разделения труда. В жизни общества добывание пищи, устройство убежища, защита от нападений распределены между членами общества. Чем более развита общественность, тем больше мы находим разделение труда и обособление класса защитников⁴⁴. Однако эти отступления или, например, суждения о том, что, сталкиваясь с нацией, отличающейся «развитым устройством», надо выделять людей сообразно той роли, которую они играют в обществе, и изучать отдельно, например, крестьян, купцов, солдат, чиновников⁴⁵, не свидетельствуют о преодолении натурализма в воззрениях В. Н. Тенишева. «Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, тогда как люди *производят*. Уже одно это — единственное, но фундаментальное различие делает невозможным перенесение, без соответствующих оговорок, законов животных на человеческое общество»⁴⁶. — писал Ф. Энгельс. От такого понимания социального В. Н. Тенишев был далек. Естественные законы казались ему более удобными для построения своей теории общественности, а добавления к ним в виде идей о разделении труда, заимствованные у Г. Спенсера⁴⁷, лишь укрепляли, а не опровергали эволюционистские взгляды. Общественная жизнь в значительной мере полагалась как часть жизни природы или как результат воздействия природной среды. Эта идея тоже пришла от Спенсера. Общество подобно организму, а социальная эволюция — продолжение эволюции биологической. Отсюда и прямые аналогии между деятельностью человека и животных⁴⁸.

Из естественной теории общества В. Н. Тенишевым был заимствован и взгляд на мотивы человеческой деятельности. Он считал, что челове-

⁴¹ См.: Тенишев В. Н. Деятельность животных. СПб., 1889. С. 2.

⁴² Там же. С. 3.

⁴³ Там же. С. 4.

⁴⁴ Там же. С. 77—78.

⁴⁵ Тенишев В. Н. Деятельность человека. С. 5.

⁴⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 137.

⁴⁷ См.: Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л., 1964. С. 37.

⁴⁸ Там же. С. 39.

ческое поведение неизменно направлено на достижение личной выгоды и пользы. Здесь не было цитатного заимствования из учений европейских материалистов XVII—XVIII вв.⁴⁹, или прямого переноса спенсеровских идей свободы индивидуальных действий, конкуренции и выживания наиболее приспособленных⁵⁰. Но во всем, что писал В. Н. Тенишев о потребностях, вызываемых жизнью в обществе, чувствовалась прочная вера в индивидуализм. На этой вере покоилось его убеждение, что человек как существо общественное вечно стремится к возвышению среди соотечественников, используя для того любые благоприятные возможности и применяя самые разные способы отличиться, выказать свои преимущества, приложить всякого рода усилия для получения чина, места в государственном управлении, одним словом, добиться выгоды⁵¹. Среди целей возвышения В. Н. Тенишев выделял погоню людей за богатством. Это в наибольшей степени отличало общество культурное (или развитое, по терминологии В. Н. Тенишева). Именно здесь стремление к наживе, обогащению было настолько обыденным делом, что его никак нельзя было оставить без изучения⁵².

Идеи, развивавшиеся В. Н. Тенишевым, в частности предложенный им метод классификации и выделения потребностей, спустя некоторое время оказались созвучными концепциям социал-дарвинистской школы. И дело здесь не в особом даре научного предвидения или редкой научной прозорливости человека, о котором мы пишем. Причина этого совпадения — в другом. Опора на традиции позитивистского и натуралистического подхода к явлениям общественной жизни неизбежно диктовала разным исследователям сходные правила восприятия и понимания человека. Действие же общих философских и гносеологических корней нивелировало индивидуальные различия взглядов, прежде всего в главных чертах буржуазного мировоззрения.

Например, в близкой к В. Н. Тенишеву мировоззренческой парадигме рассуждал об основаниях социальной жизни («общественности человека») американец У. Самнер (1840—1910 гг.)⁵³. В своей важнейшей работе «Обычай» (1906 г.) он писал следующее. Человек выработал определенные и целесообразные формы поведения борьбы за свое существование. Это произошло на базе инстинктов и способности различать боль и удовольствие. Формы поведения закрепляются, порождая у индивидов привычки, а у социальных групп обычаи, которые являются продуктом четырех главных мотивов человеческой деятельности: голода, «сексуальной страсти», честолюбия и страха. Обычай обязательны. Будучи освященными религией, они приобретают статус нравов. Нравы — это камертон, по которому общество будет судить, что верно, а что неверно и подлежит осуждению. Обычай пронизывают весь образ мышления группы, подчиняя себе индивида с детства. Наиболее важные обычаи материализуются в учреждениях, в общественной философии и этике.

Различий между тенишевской и самнеровской моделями общественного устройства немного. За 10 лет до американского социолога В. Н. Тенишев тоже пишет об определенности поведения и поступков (деятельности человека), возникающих, однако, на базе прежде всего механизмов самосохранения, из нужды к самозащите, из необходимости избегать преследований, вредных для жизни изменений. Далее люди образуют семью, производят потомство, на более сложных стадиях спланиваются в государство, но все равно выбор полезного в жизни и отстранение от всего, что приносит вред, будут оставаться первостепенными сторонами жизни и деятельности⁵⁴. Едва же нация сплотится в государство, как

⁴⁹ См.: История буржуазной социологии XIX — начала XX века. С. 9—10.

⁵⁰ Кон И. С. Указ. раб. С. 33.

⁵¹ Тенишев В. Н. Деятельность человека. С. 59—60.

⁵² Там же. С. 60.

⁵³ О работах У. Самнера см.: Кон И. С. Указ. раб. С. 49—51; История буржуазной социологии XIX — начала XX века. С. 84—87.

⁵⁴ Тенишев В. Н. Деятельность человека. С. 26.

центральное управление распространится на весь народ при посредстве специальных учреждений и агентств. Цивилизация, которую следует считать отражением высших ступеней развития жизни, знаменует собой определенность обрядов, церемоний и неукоснительность их соблюдения⁵⁵. В другом месте В. Н. Тенишев специально заметит, что соблюдение приличий служит людям для поддержания общественного положения среди соотечественников. Появление человека при разных обстоятельствах там, где он встречается других людей, обставлено принятыми формами: одежда, манера держать себя, знаки почтения, а если требуется, то и высокомерное отношение к низшим; все это соблюдается, и в особенности там, где уклонение может повредить общественному положению⁵⁶. Правда, наряду с обычаями действуют и письменные уложения, которым люди должны подчиняться под угрозой всяких лишений и наказаний. Но и «письменные законы» идут во многом, если не полностью, от обычая, заведенных правил жизни. Законы не порывают с установленным порядком, а служат его поддержанию и сохранению. С обычаями тесно смыкаются верования, с детства внедряемые в человека с тем, чтобы указать ему, как вести себя, как поступать⁵⁷. Верования и обычаи поддерживаются религией. «Религиозные установления играют роль государственных учреждений большой важности, что отражается на поведении и поступках граждан»⁵⁸, которые обязаны, заботясь о сохранности верований, исповедовать соответствующую веру, посещать храмы.

В. Н. Тенишев отстаивал существовавший в России общественный строй, когда говорил о нации «с твердо установленной общественной организацией»⁵⁹, где люди вполне четко и определенно распределены на классы и на долю каждой категории выпадает известная отрасль занятий, а жизнь людей различается в зависимости от того, к какой из категорий они принадлежат. Такое развитое общество отличается ведением жизни в обычном порядке, где все обязательно идет «своим» чередом, касается ли это повседневной деятельности, производства потомства, отбывания повинностей, соблюдения праздников и т. д.⁶⁰ Действие «выходящих из ряда обстоятельств» приводит к нарушениям обычного порядка жизни человека, семьи, группы людей, но не развитого общества в целом. На макроуровне представляющий обычный порядок казался В. Н. Тенишеву нерушимым, несмотря на разнохарактерность и широкий диапазон выходящих из ряда обстоятельств и препятствий, воздвигаемых течением жизни⁶¹. Из этой устоявшейся реальности и намеревался он извлечь достаточно разнообразные этнографические сведения и включить их в механизм социального управления.

Прагматическая ориентация В. Н. Тенишева, попытки придать этнографическим знаниям утилитарно-практический характер позволяют проводить параллель между воззрениями В. Н. Тенишева и системой теоретических взглядов, составивших несколько десятилетий спустя основу функционалистских взглядов Б. Малиновского (1884—1942)⁶². Последний, как известно, биологизировал и социальные отношения, и само общество, культуру рассматривал как инструмент для удовлетворения первичных (физиологических) и вторичных (порожденных самой культурой) потребностей, связывал между собой потребности и поведение (деятельность) человека и социальной группы, придавал большое значе-

⁵⁵ Там же. С. 22.

⁵⁶ Там же. С. 57.

⁵⁷ Там же. С. 61.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 44.

⁶⁰ Там же. С. 37—38.

⁶¹ Там же. С. 38, 81—83.

⁶² О весьма точном предвосхищении В. Н. Тенишевым идей функционализма, см. Пименов В. В. Рец. на кн.: Веселкин Е. А. Кризис британской социальной антропологии. М., 1977//СЭ. 1978. № 2. С. 143—145; его же. Прикладные аспекты этнографии. Тенденции и проблемы//СЭ, 1986. № 5. С. 5.

ние социальному опыту. Все это вполне отчетливо и достаточно полно высказал В. Н. Тенишев⁶³.

В разборе параллелей лишь одно из его рассуждений требует комментария. Б. Малиновский весьма активно выступал против «пережитков». Их существование он отрицал и видел в них лишь явления культуры, которые в известных условиях приобретают новую функцию взамен прежней⁶⁴. «Переживаниями» интересовался и В. Н. Тенишев, определяя их как поступки и обычаи, совершенно не соответствующие достигнутому на данный момент состоянию общества. Но к ним он призывал относиться терпимо, поскольку общество всегда хранит следы прошлого и без содействия истории многое оставалось бы неразъясненным, тем более, что и новые веяния возникают не сразу, заставая в момент своего появления «переживания», сохраняющими свою силу⁶⁵. Это отражается и на людях. Одна их часть стремится вперед, другая придерживается старины, «а посередине немало людей осгаются в выжидательном положении»⁶⁶. Знание «переживаний» В. Н. Тенишев считал нужным для этнографии, тем более, что в исключительных обстоятельствах могли быть вновь вызваны к жизни, возрождены прежние, уже оставленные обычаи (так называемое «оживание») ⁶⁷.

Вообще говоря, В. Н. Тенишев считал, что войны, торговля, перемены во внешнем и внутреннем устройстве, знания, верования, открытия новых путей и источников национального богатства в какой-то мере изменяют уклад, равно как и отношения между «племенами» и классами данного народа. Здесь «историзм» В. Н. Тенишева заметно контрастировал с «антиисторизмом» Малиновского. Но несмотря на эту разницу, общество рассматривалось ими одинаково — считалось самодовлеющим организмом (Б. Малиновский), воплощенном установившейся власти и организации (В. Н. Тенишев). Порождение и закрепление причин, действие условий возникновения социальных явлений их не интересовали. В. Н. Тенишев свято верил в «обычный порядок жизни», в вечность повторения однообразных поступков людей, в предопределенное соответствие деятельности человека потребностям его жизни и положения, занимаемого в обществе. Не дальше этого рубежа продвинулся и Б. Малиновский, утверждая, что определение функций социальных явлений уже следует считать их объяснением. Вопрос состоял, таким образом, не в изменении устоев жизни, а в исчерпывающем познании этих устоев и попытках придать им наиболее целесообразный характер.

Изучение деятельности человека В. Н. Тенишев считал правомерным возложить на этнографию, так как сама деятельность естественным образом разграничивалась принадлежностью к данному племени (народу), а внутри него — к данному классу людей. Здесь «этническое» оказывалось выше «социально-классового», но этнограф и социолог В. Н. Тенишев никогда не был близок к марксистским взглядам на законы дифференциации общества и его структуры, считая, что выполнение потребностей индивидуальной и общественной жизни, а следовательно, поступки и поведение людей «специализируются» племенем и страной обитания⁶⁸.

Своим тезисом В. Н. Тенишев не отрицал некоторых общих направлений жизни разных народов: заботы о безопасности самой жизни, необходимости добывать средства существования, неизбежности сходства ряда общественных установлений и черт образа жизни — кочевого, оседлого, воинственного, промышленного. Но сколь бы широкими ни казались эти общие черты, естественного разграничения они не сглажива-

⁶³ Критику концепций Б. Малиновского см.: Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 229—237; Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986. С. 189—191.

⁶⁴ Токарев С. А. История зарубежной этнографии. С. 233—234.

⁶⁵ Тенишев В. Н. Деятельность человека. С. 51.

⁶⁶ Там же. С. 69.

⁶⁷ Там же. С. 51.

⁶⁸ Там же. С. 5. 42.

ли. Каждый народ, писал В. Н. Тенишев, сохраняет своеобразие по своим учреждениям, распределению между людьми обязанностей общественной и индивидуальной жизни, приемам выполнения этих обязанностей⁶⁹.

Таковым представлялось ему общее правило. В частных случаях, когда речь шла о развитых нациях в сравнении с племенами, находящимися на низших ступенях общественной жизни, роль принадлежности к определенному «классу» людей возрастала. Однако распределение по данному признаку связывалось не с отношениями собственности и производства, а с тем, какая на долю людей выпадает «отрасль занятий». Нести свою долю человек обязывался изначально. Поэтому собирая этнографические сведения о русских крестьянах-землепашцах, следовало уделять особое внимание фактам — свидетельствам влияния общества на деятельность составляющих его людей. «Живя в обществе, человек, так сказать, шагу ступить не может без того, чтобы не остерегаться последствий своего поступка в отношении к обществу»⁷⁰, — писал В. Н. Тенишев. Но эта фраза обретала для него не столько смысл общественного закона, сколько заповедь, соблюдение которой для себя и людей иного социального положения он считал священным во имя «твердо установленной общественной организации» в России.

Таковы наши основные суждения о теоретических взглядах В. Н. Тенишева. О воплощении этих взглядов в этнографические программы и деятельность Этнографического бюро речь пойдет в следующей работе.

⁶⁹ Там же. С. 42.

⁷⁰ Там же. С. 45.

Е. П. Бусыгин, Г. Р. Столярова

КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ

**(По материалам исследований в сельских
районах Татарской АССР)**

Межэтническое сближение, ставшее объективной реальностью современного развития наций в СССР, находит отражение в различных сферах жизнедеятельности людей. Одним из проявлений взаимоотношений между этносами и одновременно фактором межэтнического сближения является заключение межнациональных браков и образование национально-смешанных семей. Общеизвестно особое значение, которое придается этнографами изучению семьи — той социальной ячейки, «которая аккумулирует информацию о повседневном образе жизни, воспроизводя его этническую специфику»¹. В этой связи большой научный интерес представляет исследование межнациональных браков и национально-смешанных семей, поскольку в них происходит своеобразный отбор и синтез разнородных этнических признаков. Направленность этнических процессов в СССР в условиях непрерывного повышения доли межнациональных браков и национально-смешанных семей определяется наряду с другими факторами характером и результатами межэтнических взаимоотношений в этнически смешанных семейных коллективах.

Цель настоящей статьи — показать на материалах обследований национально-смешанных семей в сельской местности Татарской АССР основные тенденции формирования и развития быта и внутрисемейных отношений в этнически смешанных семьях, проследить проявление этни-

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 85.